

А. А. Чевтаев

«Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н. С. Гумилева «Чужое небо»

В статье рассматривается художественная концепция четвертой книги стихов Н. С. Гумилева «Чужое небо» (1912). В этом сборнике поэт уходит от символистских стратегий творчества и создает новый мирообраз как основу акмеистического миропонимания. Здесь проходит «водораздел» между гумилевским «я» в прошлом и в настоящем, в земном и иномиром. Определенные «ключи» к постижению антиномий гумилевского мировидения дает осмысление пролога к сборнику – стихотворения «Ангел-хранитель». В стихотворении противопоставлены влекущие героя бытийные горизонты мира и интимный мир женщины. Они задают два магистральных вектора поэтической рефлексии и онтологической конфликтологии в лирическом сборнике. Антиномии земного и иномирного воплощаются в одинаково желанных образах «морья» и «госпожи». В них раскрывается центральная коллизия гумилевского поэтического самоопределения: необходимость выбора между экстенсивно-героическим утверждением «я» в земном мире и интенсивно-драматическим приобщением к «вечной женственности». При этом в поэтической концепции «Чужого неба» воплощаются два антиномичных женских образа: страсть и непорочность. Лирический герой осознает раздвоение жизненных целей, конфликт между которыми оказывается принципиально неразрешимым. Это знание инициирует создание нового лирического «я». Лирический герой книги не экстенсивно преодолевает антиномии бытия, а интенсивно их проживает с целью онтологического преображения поэтического «я». Предполагается, что это и есть формула зарождающегося гумилевского акмеизма.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, символизм, акмеизм, лирический герой.

Для цитирования: Чевтаев А. А. «Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н. С. Гумилева «Чужое небо» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 28–49. DOI 10.35231/25419803_2023_1_28

В художественной концепции четвертой книги стихов Н. С. Гумилева «Чужое небо», изданной в 1912 году, как известно, наблюдаются отчетливый уход поэта от символистских стратегий творчества и построение нового мирообраза, который впоследствии будет определяться в качестве акмеистического миропонимания. Формально-поэтические и ценностно-смысловые изменения гумилевской поэтики, явленные в стихотворениях и поэмах данной книги, конеч-

но, очевидно, что было отмечено литературной критикой. Так, В. Ф. Ходасевич в критической статье 1914 года «Русская поэзия. Обзор» отмечал явную оригинальность и художественную уникальность гумилевского «Чужого неба», свидетельствующие о «преодолении символизма»: «<...> последняя книга Н. Гумилева «Чужое небо» выше всех предыдущих. И в “Пути конквистадоров”, и в “Романтических цветах”, и в “Жемчугах” было слов гораздо больше, чем содержания, ученических подражаний Брюсову – чем самостоятельного творчества. В “Чужом небе” Гумилев как бы снимает наконец маску. <...> В движении стиха его есть уверенность, в образах – содержательность, в эпитетах – зоркость. В каждом стихотворении Гумилев ставит себе ту или иную задачу и всегда разрешает ее умело. Он уже не холоден, а лишь сдержан, и под этой сдержанностью угадывается крепкий поэтический темперамент» [28, с. 414–415]. Такое суждение о гумилевской поэтике, в целом не бесспорное, характеризует улавливаемое современниками явное смещение поэтического мировидения Н. Гумилева от символистских представлений о бытии к новой («заземленной») концепции творчества и его воплощениям в поэзии. «Сдержанный» темперамент лирического «я», сопряженный со стоическим принятием земной жизни во всем ее многообразии, впоследствии становится одним из смысловых маркеров акмеизма.

Безусловно, в книге «Чужое небо» поэт демонстрирует попытки освобождения от неоромантической «идеальности» миропредставления, свойственной его предшествующей книге стихов «Жемчуга» (1910). В художественном миромоделировании Н. Гумилева 1910–1912 гг. «вещественность» слова и причастность лирического субъекта «посюсторонней» действительности оказываются предельно ощутимыми и уже отчетливо противопоставляются мистической эфемерности и мифопоэтическим абстракциям символизма, на которые ориентировано раннее творчество поэта. Однако эти поэтологические качества его творческой работы не означают отказа от рефлексии над потусторонними измерениями бытия, которые впоследствии, в акмеистической статье-манифесте 1913 года «Наследие символизма и акмеизм», будут Н. Гумилевым декларативно «отменяться» (ср.: «Всег-

да помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному, но тогда она должна только содрогаться» [10, с. 149]).

В поэтике «Чужого неба», вопреки сложившимся представлениям о ее акмеистической «посюсторонности», Н. Гумилев не порывает ценностно-смысловых связей с потусторонним миром и продолжает «всматриваться» в инобытие. При этом, конечно, художественное воплощение и концептуализация иномирия в его творческой практике трансформируются. Представляется, что гумилевская «потусторонность» периода «Чужого неба» раскрывается в предельном лирическом напряжении взаимодействия субъектного микрокосма и вселенского макрокосма. В этом отношении суждение В. М. Жирмунского о том, что Н. Гумилев «избегает лирики любви и лирики природы, слишком индивидуальных признаний и слишком тяжелого самоуглубления» [12, с. 396], видится принципиально неверным, так как именно в области любовных и универсально-природных свершений гумилевский лирический субъект обретает и раскрывает свою бытийную индивидуальность. Как ранний символизм, так и зрелый акмеизм в творчестве поэта являют онтологическую антиномичность человеческого самоопределения в универсуме. Как справедливо отметит А. А. Асоян, «особенность мировосприятия Гумилева заключается <...> в том, что он чрезвычайно чуток к роковой дихотомии бытия и воспринимает ее как непреложный удел» [1, с. 310]. Двойственность и конфликтность бытийных потенциалов и свершений «посюстороннего» «я» является константой творческого мира поэта и специфически раскрывается в поэтике «Чужого неба».

Думается, что определенные «ключи» к постижению антиномий гумилевского мировидения, воплощаемых в структуре «Чужого неба», может дать осмысление инициальной точки развертывания данной книги стихов, то есть открывающее ее стихотворение. Таковым является «Ангел-хранитель», написанный Н. Гумилевым в 1911 году. В этом исходном для концептуального сюжетостроения книги тексте

просматриваются те ценностно-смысловые параметры гумилевского поэтического сознания, которые далее – в последующих стихотворениях и поэмах, включенных в «Чужое небо», – получают конвергентную или дивергентную, положительную или отрицательную реализацию.

Материалы и методы

В современном литературоведческом представлении книга стихов являет собой «сложное концептуальное и архитектурное единство, которое создается, прежде всего, благодаря наличию сквозного метасюжета, развивающегося через взаимодействие тем, образов, лейтмотивов» [2, с. 34]. При этом «открывающий ее (книгу. – А. Ч.) текст, как правило, играет роль стихотворения-пролога» [2, с. 34], которое определяет или исходную точку лирического сознания, или смысловые векторы развертывания утверждаемой в книге стихов концепции бытия. Представляется, что в структурно-семантической организации гумилевского «Чужого неба» инициальное стихотворение предстает именно своеобразным «прологом» к онтологическому самоопределению лирического «я» Н. Гумилева, многомерно и разветвленно эксплицируемому в архитектурной и аксиологической целостности книги. Также отметим, что гумилевский «Ангел-хранитель» в сверхсюжете «Чужого неба» может восприниматься в качестве «стихотворения-завязки», которое «обозначает лирическую коллизию всей книги, будь то ситуация, нуждающаяся в разрешении, или “вечный вопрос”, требующий проекции на личные, социальные, исторические обстоятельства» [17, с. 65]. Актуализация «коллизии» или антиномичности ценностных парадигм в исходном стихотворении свидетельствуют о свойственном символистской и постсимволистской поэтике «развитии антропоморфных топосов книги», при котором «книга предстает как воплощение человеческой личности, как воплощение человеческого “я”» [11, с. 187]. В этом отношении думается, что инициальное стихотворение «Чужого неба» эксплицирует ментальное состояние гумилевского лирического субъекта, свидетельствующее о переживании внутренних противоречий в ситуации выбора онтологического пути в миропорядке.

Отметим, что стихотворение «Ангел-хранитель» остается практически не востребованным в современной рецепции творчества поэта и до сих пор не попадало в фокус исследовательского внимания. В качестве причин такого «гумилеведческого» пренебрежения этим произведением видятся, во-первых, его внешняя «простота», «прозрачность» сюжетной коллизии, а во-вторых, недостаточная «акмеистичность» в соположении с акмеистическими установками книги «Чужое небо» в целом. Нам же представляется, что «Ангел-хранитель», напротив, является принципиально значимым стихотворением для понимания той мифопоэтической модели мира Н. Гумилева, которая репрезентируется в «Чужом небе», а потому нуждается в аналитическом рассмотрении его поэтики как смыслового «ключа» к концепции данной книги стихов.

В предлагаемой статье мы сосредоточим внимание на структурно-семантической организации стихотворения «Ангел-хранитель» в аспекте его контекстуальных функций и инициальных для книги «Чужое небо» ценностно-смысловых ориентиров. Символический потенциал данного поэтического текста, с одной стороны, свидетельствует о том, что Н. Гумилев, «преодолевая символизм», отнюдь не порывает с его ценностной парадигмой, а с другой – акмеистическое «выпрямление» бытийной самоактуализации своего лирического «я» насыщает явной и трудноразрешимой конфликтностью.

Результаты

Надо указать, что вопреки суждениям В. М. Жирмунского о внеэмоциональном преодолении символизма и редукции лиризма в поэзии Н. Гумилева, именно в «Ангеле-хранителе» видел воплощение подлинного лиризма один из первых концептуализаторов гумилевского творчества Ю. Н. Верховский, усматривавший в этом стихотворении влияние ранней ахматовской лирики в аспекте музыкальности и мелодичности стиха [7, с. 519]. Думается, что этот текст связан не столько с творческими открытиями А. А. Ахматовой (ставшей к моменту написания стихотворения женой поэта), сколько с переживанием Н. Гумилевым их сложных личностных от-

ношений, и этот биографический контекст опосредованно определяет ценностные векторы развертывания смысла, направленные от «Ангела-хранителя» к другим стихотворениям «Чужого неба».

Итак, семантика заглавия данного текста маркирует нацеленность лирической рефлексии на инобытие, которое явлено существом, причастным высшему (божественному) измерению универсума. «Ангел» как Божий посланник в человеческом мире предстает «медиатором» между небесной и земной сферами мироздания и тем самым онтологически возвышается над человеком. Сверхъестественная природа ангельского существа указывает на приобщение гумилевского лирического субъекта к иномирию. Вероятно, в обращении Н. Гумилева к образу ангела имплицитно содержится диалогическая реакция на символистское постулирование «ангельской» сущности инобытия в лирике В. Я. Брюсова, «ученичество» у которого в начале 1910-х годов поэтом явно преодолевается. В брюсовской поэтике «ангел» предстает или чуждым человеческому «я» (ср.: «Ангел бледный, утомленный / Слишком ярким светом дня, / Ты стоишь в тени зеленой, / Ты не знаешь про меня» («Ангел бледный», 1896) [6, с. 119]), или, напротив, мыслится всецело надмирным наставником лирического героя (ср. «Ангел благого молчания, / Властно уста загради / В час, когда силой страдания / Сердце трепещет в груди» («Ангел благого молчания», 1908) [6, с. 469]). Н. Гумилев же, как показывает заглавие стихотворения, актуализирует «охранительную» ипостась ангельского существа, то есть его принципиальную причастность к переживаниям и свершениям человека в «посюстороннем», земном мире.

Согласно христианской традиции, «к отдельным людям приставлены ангелы-хранители, ведающие образованием их тел в чреве матери <...>, а затем сопровождающие их на всех путях жизни» [18, с. 77]. В XIX столетии в обыденном сознании именно «охранительная» функция ангелов оказывается первостепенной и во многом определяющей взаимоотношения человека и земного миропорядка [3, с. 18]. Соответственно, эксплицируя защитную роль представителя божественного мира, Н. Гумилев помещает инициальный

текст «Чужого неба» – и вместе с ним всю книгу – в смысловой контекст христианства. Однако при этом акцентирование христианских коннотаций в образе «ангела-хранителя» не следует рассматривать в качестве основы смыслообразования, так как «охранительный» характер инобытийного персонажа здесь сопрягается не столько с религиозными, сколько с жизнестроительными установками гумилевского поэтического сознания.

В первой строфе стихотворения, представляющего собой обрамленную речью лирического героя монолог «ангела-хранителя», изображается коммуникативный контакт субъектного «я» и его небесного покровителя и тем самым сюжетно репрезентируется система персонажей:

Он мне шепчет: «Своевольный,
 Что ты так уныл?
 Иль о жизни прежней, вольной,
 Тайно загрустил? [9, с. 65]

Как видно, «шепот» «ангела», обращающегося к своему земному «подопечному», здесь раскрывает сущностные черты микрокосма лирического героя. Вопросы инобытийного существа, с одной стороны, акцентируют внимание на эмоционально-психологическом состоянии героя-человека («унынии» и «грусти»), а с другой – подчеркивают его характерологические черты. «Своеволие» предстает в качестве основы личности гумилевского лирического «я», знание которой, по конвенции моделируемого мира, имманентно присуще его «ангельскому» покровителю. В свою очередь, напоминание о «жизни прежней, вольной» актуализирует бытийные ипостаси лирического героя и связанные с ними свершения, определявшие сюжетостроение и смыслообразование в поэтике первых трех поэтических книг Н. Гумилева: «Путь конквистадоров», «Романтические цветы» и «Жемчуга». Именно в раннем символистском творчестве поэта оформляются и концептуализируются ключевые лирические маски и персонажные воплощения его субъектного «я»: воитель, путешественник, жрец, маг, любовник, которые в той или иной степени сопрягаются

с волевым и свободным столкновением микрокосма с макрокосмом. Предполагаемая «ангелом» тоска героя по своему «вольному» (героическому) прошлому маркирует его иное положение в репрезентируемом настоящем: теперь он очевидно связан некими обязательствами, которые ограничивают его жажду великих деяний. Соответственно, в начальной точке лирического сюжета проводится онтологический «водораздел» между гумилевским «я» в прошлом и в настоящем, что проясняет помещение данного текста в инициальную позицию «Чужого неба» – книги, в которой поэт выстраивает новую концепцию мира и трансформирует принципы ее художественного изображения.

Система вопросов «ангела-хранителя», адресованных лирическому герою, образующая лирический сюжет стихотворения, во второй строфе эксплицирует ключевую антиномию в бытийном самоопределении лирического субъекта:

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожой твоей?" [9, с. 65]

В речи «ангела-хранителя» здесь устанавливается оппозиция «сумрачных морей» и «госпожи», обозначающих нацеленность гумилевского лирического «я» на постижение, с одной стороны, пространственных пределов универсума, а с другой – женского начала. Именно противопоставление влекущих героя бытийных горизонтов мира и его интимно-любовной привязанности к миру женщины-«госпожи» задает два магистральных вектора поэтической рефлексии и онтологической конфликтологии в структуре книги «Чужое небо»: стремление к волевому освоению эмпирических пространств, постижению «чужих небес» и эмоционально напряженное соприкосновение с женским «я». Концепция книги и сюжетная динамика составляющих ее стихотворений и поэм определяется чередованием и соотношением пространственно-географических и любовно-психологических мотивов, посредством которых раскрывается центральная коллизия гумилевского поэтического самоопределения: необходимость выбора между

экстенсивно-героическим утверждением «я» в земном мире и интенсивно-драматическим приобщением к «вечной женственности». При этом важно, что антиномичность сознания лирического героя в «Ангеле-хранителе» обозначена образами «морей» и «госпожи».

Универсальная символика «моря» традиционно сопряжена с представлениями о его лиминальной природе: оно предстает «промежуточным и переходным посредником между <...> жизнью и смертью» и понимается «не только как источник жизни, но также и как цель» [15, с. 277]. Эта двойственность морского пространства продуцирует его соотнесение с «потусторонней» областью мира. Так, по наблюдениям А. Ханзен-Лёве, в поэтике русского символизма «море» предстает как «визионерская, магическая область мистической тоски и апокалиптического ужаса, где ожидающего исполнения сроков настаивает “зов” из потустороннего мира – или манит к себе образ Софии в виде морской девы» [26, с. 687]. В гумилевском миропонимании, вырастающем из символистской концепции мироздания, «море» утрачивает присущие ему мистические коннотации и мыслится пространственно-географической областью земного бытия, с которой необходимо вступить в противоборство, чтобы постичь глубинную сущность универсума. Для Н. Гумилева «морские» пространства в их безграничности связаны прежде всего с идеей движения и «посюстороннего» утверждения человеческой воли. Как показывает А. В. Филатов, «в “Чужом небе” движение является лейтмотивом, связывающим произведения в целостное метатекстовое образование», причем «мотив движения <...> выполняет аксиологическую функцию, т.к. включает в себя основные онтологические ценности аксиосферы поэта (категории движения, Другого и цели)» [24, с. 125]. Соответственно, «море» суммарно воплощает экстенсивный аспект онтологического пути лирического субъекта в земном миропорядке. В структуре «Чужого неба» это прямо эксплицируется в таких стихотворениях, как «На море» (1912) (ср.: «Но весел в море бирюзовом / С латинским парусом челнок» [9, с. 106]), «Сонет» (1912) (ср.: «Молчу, томлюсь, и отступают стены – / Вот океан, весь в клочьях белой пены» [9, с. 105]), «Ослепительное» (1910) (ср.: «И от египетской земли / Опять уходят ко-

рабли / В великолепную Бассору» [9, с. 10]), «Паломник» (1911) (ср.: «Поднимутся узорные дворцы / И Красное пылающее Море / Пред ним свои расстелет багрецы, / Волшебство синих и зеленых мелей» [9, с. 89]), а также в поэме «Открытие Америки» (1910) (ср.: «Двадцать дней, как плыли каравеллы, / Встречных волн проламывая грудь; / Двадцать дней, как компасные стрелы / Вместо карт указывали путь, / И как самый бодрый, самый смелый / Без тревожных снов не мог заснуть» [9, с. 23]). Иначе говоря, «моря» в понимании Н. Гумилева – это земная область странствий, освоение которой способствует обретению человеком своей подлинной бытийной сущности.

Однако и женское начало в гумилевской картине мира обладает предельным онтологическим статусом. В художественном универсуме поэта столкновение маскулинного и фемининного «я» предстает в качестве любовной борьбы, в которой первое терпит поражение от второго, оказывается ему подвластным, так как женский микрокосм таинственно и фатально непроницаем для мужчины, то есть воплощает собой потустороннее измерение бытия. Такое видение гендерной онтологии многомерно и разветвленно реализуется в символистской поэтике Н. Гумилева 1900-х годов и углубляется в его акмеистическом и постакмеистическом творчестве. В «Чужом небе» противоречия между мужским и женским «взглядами» друг на друга и на мироздание в целом, предельно обостряясь, проецируются одновременно и в психологическую, и в мифопоэтическую области миропонимания. При этом женское начало сохраняет свое доминирующее положение относительно мужского, что акцентируется представлением в рассматриваемом стихотворении возлюбленной лирического героя в качестве его «госпожи».

Заданная коллизия земных странствий и любовной причастности женскому «я» усиливается в вопрошающей речи «ангела-хранителя» в третьей строфе:

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор? [9, с. 65]

Смысловой акцент здесь перемещается на ментальное состояние лирического героя: психологический знак «сердца бремя» обозначает земную тяжесть его существования и желание преодолеть бытийное расподобление собственного «я». Как видно, антиномии, формулируемые «ангелом», нацелены на отвращение героя от нового этапа волевого освоения земной эмпирики и раскрытие ценности «ближнего» (любовного), а не «дальнего» (географического) миров. «Самая краткая встреча» и «взор» «госпожи»-возлюбленной предстают в качестве аксиологической вершины, суть которой пытается объяснить лирическому герою его инобытийный «опекун». Противопоставление пространственной безграничности (макромира) и женского взгляда (микромира), заостренное сильной позицией рифменных созвучий («простор» – «взор»), явно профанирует первую и сакрализует вторую: «взгляд» «госпожи» – это то, что с «ангельской» «точки зрения» способно гармонизировать микрокосм лирического «я».

Очевидно, что героиня стихотворения («госпожа», образ которой раскрывается в речи «ангела»), во-первых, обладает любовной властью над лирическим героем, а во-вторых, эксплицирует куртуазный характер взаимоотношений мужчины и женщины. «Краткость» встречи и мимолетность «взора», указывающие на чувственное подчинение мужского начала женскому, в четвертой строфе преобразуются в открыто явленную модель возвышенного служения возлюбленной:

Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала – стыд [9, с. 65].

«Королева» и «вассал» как ипостаси женского и мужского «я» эксплицируют рыцарственный аспект их взаимоотношения, восходящий к идеологии и практике куртуазной любви европейского Средневековья. Соответственно, лирический герой здесь обнаруживает свою рыцарскую ипостась, которая эксплицируется Н. Гумилевым на всех

этапах творческого пути. Конечно, тема рыцарства и ее образно-мотивные реализации в художественном мире поэта, очевидно не сводимые к модернистской неоромантической условности и укорененные в концептуальные основания гумилевского мировидения, в современном «гумилевоведении» часто становятся предметом научного осмысления [13, с. 25–26; 14, с. 33–36; 16; 19, с. 95–97; 20]. Исследователи справедливо акцентируют внимание на духовном измерении рыцарской символики и образа рыцаря в творчестве поэта, однако куртуазность и размыкание рыцарских мотивов в любовно-лирическую область самоактуализации лирического «я», чаще всего, остается на периферии постижения рыцарства в поэтическом мире Н. Гумилева. В стихотворении «Ангел-хранитель», как видно, на первый план выдвигается именно куртуазная семантика «рыцаря», редуцирующая его воинскую ипостась и актуализирующая любовное самоопределение в мире.

Отметим, что интерес поэта к рыцарской культуре средневековой Европы складывается в ранний период его творческого пути. Так, в письме из Парижа В. Брюсову от 14.02.1907 г. Н. Гумилев пишет: «Как раз в это время я работаю над старинными французскими хрониками и рыцарскими романами и собираюсь написать модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века» [23, с. 147]. В художественной прозе этот замысел воплощается в рассказы «Золотой рыцарь» (1908) и «Дочери Каина» (1908), в поэтике которых на первый план выходит не куртуазный, а религиозно-мифологический аспект рыцарского жизненного самоосуществления. Однако изучение Н. Гумилевым средневековых источников продуцирует рефлексивное постижение куртуазного поведения, преломляющееся в поэтическом творчестве.

Как известно, сформировавшаяся и утвердившаяся в европейском Средневековье концепция куртуазной любви как подлинного любовного чувства постулировала «идею рыцарского служения влюбленного своей возлюбленной даме» [22, с. 253], при этом «одним из важнейших качеств» такого служения «является верность, а предательство рассматривается как то, что принадлежит “лже-любви”» [22, с. 254]. Идеальным проявлением куртуазной любви мыслится пре-

дельная редукция плотского начала и усиление возвышенно-духовных смыслов любовной страсти. Согласно изысканиям Й. Хейзинги, в средневековой культуре, ценностно регламентирующей отношения рыцаря и его возлюбленной дамы, «проявление и удовлетворение желания, кажущиеся недостижимыми, замещаются и возвышаются подвигом во имя любви» [27, с. 94]. Соответственно, рыцарские подвиги предстают своеобразной сублимацией телесно-чувственных стремлений «я», и эротизм здесь из области плоти преобразуется в сферу духа. Осмысление любви как восхождения к духовным высотам человеческого самополагания в миропорядке во многом обусловлено средневековым религиозным символизмом представлений о «рыцаре» и «рыцарстве», в которых акцентируются «изменения в мире желаний путем аскетического отрицания плотского (а также почти мистический культ возлюбленной)» [15, с. 377]. Культивируемые куртуазной культурой «посюсторонний» аскетизм и потусторонняя «идеальность» в проявлении любовного чувства символически наделяют его статусом онтологического акта на пути приобщения к сокровенным тайнам универсума.

В поэтическом мире Н. Гумилева ценностно-смысловые взаимоотношения мужчины и женщины, конечно, ни в коей мере не сводятся к куртуазной модели любовного поведения. Женское начало в творчестве поэта предстает многоликим и многомерным и персонифицируется в образах «женщины-идеала», «женщины-тайны», «женщины-игрушки», «женщины-ребенка» [5, с. 22], что, в свою очередь, обуславливает и множественность вариантов ее восприятия гумилевским лирическим героем. Однако куртуазные коннотации, среди которых на первый план выдвигаются высокое любовное служение и верность «вечно женственному» идеалу, обнаруживаются во многих символистских произведениях поэта (ср.: «Я молчал, ее покорный кличу, / Я лежал, ее окован знаком, / И достался, как шакал, в добычу / Набежавшим яростным собакам» («Ягуар», 1907) [8, с. 120–121]; «На руке прикосновенье / Тонких пальцев милых рук, / И как слух мой помнит пень, / Так хранит их впечатленье / Эластичная перчатка, верный друг» («Перчатка», 1907) [8, с. 132]). В стихотворении «Он поклялся в строгом храме...» (1910),

контаминирующем «донжуанские» и «рыцарские» значения в образе героя, декларируется куртуазный идеал служения Деве Марии, который восходит и к средневековой практике и к ее рецепции в стихотворении А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829): «Но, печальный и упрямый, / Он припал к ногам Мадонны: / “Я нигде не встретил дамы, / Той, чьи взоры непреклонны”» [8, с. 265].

Истоками представлений об «идеальной» любви и рыцарском служении «вечной женственности» в поэтике Н. Гумилева, помимо собственно средневековой культуры и пушкинского претекста, оказываются и религиозно-мистические и мифотворческие представления о женском начале, концептуализируемые в поэтической практике русского символизма, в контексте которого идет становление собственного гумилевского мирообраза. При этом мистико-эротические коннотации культа Прекрасной Дамы в поэзии младосимволистов (А. А. Блока, С. М. Соловьева, Эллиса) оказываются чуждыми гумилевскому лирическому «я». Во-первых, потому что в художественном универсуме Н. Гумилева женское начало не трансцендируется в сферы идеального бытия, а постулируется в земном мире, хотя и мыслится представителем мира потустороннего. Гумилевский лирический герой не столько жаждет духовной встречи с Прекрасной Дамой, сколько переживает опыт соприкосновения с ее ипостасями в «посюсторонней» реальности. Если в ранней лирике А. Блока «вечная женственность» является онтологическим ориентиром для субъектного «я» (ср.: «Предчувствую тебя. Года проходят мимо – / Всё в облике одном предчувствую Тебя» [4, с. 60]; «Но и ночью нет ответа, / Ты уйдешь в речной камыш, / Унося источник света, / Снова издали манишь» [4, с. 63]; «Прозрачные, неведомые тени / К тебе плывут, и с ними Ты плывешь, / В объятия лазурных сновидений, / Невнятных нам, – Себя Ты отдаешь» [4, с. 66]; «Вхожу я в темные храмы, / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцании красных лампад» [4, с. 128]), то у Н. Гумилева она предстает в своих земных ипостасях, с которыми он вступает в бытийный поединок. Во-вторых, служение женскому началу в творчестве поэта чаще всего оказывается амбивалентным деянием, так

как в сознании его лирического героя неизбывна одновременная жажда приобщиться миру «вечной женственности» и вступить с ним в роковую борьбу. Это ментальное противоречие обуславливает присущее гумилевской поэтике отклонение, как от религиозно-мистического культа Прекрасной Дамы, так и от безоговорочно куртуазного восприятия земной любви к ней.

Как отмечает М. В. Смелова, в поэтической концепции «Чужого неба» воплощаются два антиномичных женских образа: первый воплощает «“земную любовь” и страсть», а второй – «непорочную далекую деву» [21, с. 61]. При этом поэт сознает «невозможность в реальной жизни соединить эти два противоположных образа в один: невозможно соединить в одном лице “чистоту” и “страстность”» [21, с. 62]. В целом это утверждение видится верным, так как в структуре книги наблюдается явная поляризация земных воплощений «вечной женственности» и большинство женских персонажей в той или иной степени тяготеют или к порочно-страстному, или к добродетельно-кроткому полюсу представлений о женском «я», символически заданным во втором стихотворении «Чужого неба» «Две розы» (1911): «Одна так нежно розовеет, / Как дева, милым смущена, / Другая, пурпурная, рдеет, / Огнем любви обожжена» [9, с. 70]). Однако здесь нужно внести одну поправку: именно в «Ангеле-хранителе» – первом стихотворении книги – наблюдается опыт совмещения в образе героини обеих сторон фемининного начала.

Определяемая в качестве «королевы», прежде всего – в куртуазном значении этой ипостаси женского «я», героиня предстает носителем той потусторонней власти, которая в гумилевском мире сопрягается с онтологической жестокостью женщины относительно мужского «я». Такой образ «вечной женственности» в структуре книги эксплицируется в стихотворениях «Константинополь» (1911), «Она» (1912), «Из логова змиева» (1911), «Жестокой» (1911), «Отравленный» (1912), «У камина» (1910), «Маргарита» (1910). Однако куртуазная возвышенность «госпожи», обозначенные «краткостью встречи» с ней, ее «взором» и «молчанием», указывают на присущую возлюбленной лирического героя непорочность и одухотворенность, что находит реа-

лизацию в женских образах стихотворений «Девушке» (1911), «Сомнение» (1911), «Сон» (1911), «Однажды вечером» (1911), «Я верил, я думал...» (1911). Соответственно, героиня «Ангела-хранителя» совмещает в себе черты противоположных инвариантов женского «я», которые в концепции «Чужого неба» сначала подвергаются образно-символической дивергенции (в стихотворении «Две розы»), а затем раскрываются в различных сюжетно-событийных версиях соприкосновения мужского и женского начал.

В свою очередь, «вассальная» ипостась лирического героя, явленная «ангельской» «точкой зрения», продуцирует идеологему духовно-рыцарской аскезы, посредством которой возможно достичь бытийного равновесия. Как видно, «ангел-хранитель» стремится наложить на «я» лирического субъекта этические и онтологические ограничения, при которых «гневная» реакция на целомудренную холодность возлюбленной («Ты волен предаться гневу, / Коль она молчит») не должна обращаться в волевое действие (уход, разлуку, поиск иных смыслов бытия): «Но покинуть королеву / Для вассала – стыд». Эта формула, очевидно, не совпадает с куртуазной идеей странствий и подвигов во славу Прекрасной Дамы, а, наоборот, замыкает героя-«рыцаря» в ситуацию неизбывной духовной близости с женским идеалом.

Это этическое «предписание» божественного существа своему земному подопечному пуантирует монолог «ангела», и в пятой (финальной) строфе стихотворения лирический герой резюмирует сущность «ангельского» воззвания к его «я»:

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру [9, с. 65].

Как видно, в этой итоговой точке сюжетного развертывания текста репрезентированы все три персонажа стихотворения: лирический герой как субъект высказывания (и объект «ангельской» речи), «ангел-хранитель» («он») и героиня-«госпожа» («сестра»). Именно здесь латентно

обнаруживает магистральный конфликт бытийного самоопределения гумилевского лирического сознания. С одной стороны, повторяемость и постоянство воззваний «ангела-хранителя» («и ночью молчаливой», «днем и поутру») указывают на осознанность и глубину рефлексивных размышлений лирического героя над перспективами своего дальнейшего жизненного пути. В этом отношении «ангел» предстает своеобразным божественным alter ego субъектного «я», его внутренним голосом, напоминающим о любовном служении возлюбленной «королеве». С другой стороны, «ангел-хранитель» как представитель иномира сопрягается с женским «я» героини, которая в качестве «ангельской» «сестры» сама наделяется статусом потустороннего существа, причастного не земному, а небесному измерению универсума. Здесь наблюдается семантическая инверсия: «ангел-хранитель» лирического героя, по сути, предстает блюстителем покоя и ценностей его возлюбленной, то есть «охранителем» не мужского, а женского начала.

Обсуждение и выводы

Финал стихотворения, постулируя конфликтное состояние лирического субъекта, не предлагает вариантов его разрешения. Сюжетным итогом здесь оказывается именно проблематизация бытийных перспектив гумилевского героя, а не выход из антиномий его самосознания. Подобное завершение стихотворения позволяет воспринимать его в качестве своеобразного пролога к дальнейшему ценностно-смысловому разворачиванию книги «Чужое небо», обозначающего исходную конфликтность поэтического «я» Н. Гумилева, предопределяющую версии и варианты ее преодоления.

Здесь возникает вопрос: что выбирает в конечном итоге гумилевский лирический субъект, ментально разрываясь между «речами сумрачных морей» и «краткой встречей с госпожой»? Внешне может показаться, что «голубой простор» оказывается сильнее «взора» возлюбленной, так как сверхсюжет книги «Чужого неба» развивается по направлению от интимного-личного самополагания «я» в мире к пространственно-универсальной безграничности. В гумилевской мифопоэтике путь лирического героя нацелен на преобра-

жение бытия, и его «деятельность <...> направлена на гармонизацию опасного земного пространства и уподобление его райскому локусу» [25, с. 165]. В структуре «Чужого неба» пуантирующие и завершающие логику ее концептуального развития произведения («Абиссинские песни», переводы «Из Теофиля Готье», поэмы «Блудный сын» и «Открытие Америки», а также пьеса «Дон Жуан в Египте»), казалось бы, указывают на избрание поэтом в качестве онтологического поводыря «Музы Дальних Странствий», а значит, и волевого освоения земных горизонтов универсума. Однако женственная природа такого бытийного ориентира, эксплицированная в финале поэмы «Открытие Америки» (ср.: «Как любовник, для игры иной, / Он покинут Музой Дальних Странствий...» [9, с. 28]), свидетельствует, что в гумилевском поэтическом сознании конфликт между стремлением к интимной сущности женского «я» и жаждой витального постижения мироздания во всей его полноте и многомерности, оказывается принципиально не разрешимым. Представляется справедливым суждение А. А. Асояна о том, что «лирический герой Гумилева воплощает собой контрапункт противоположных начал, и эволюция лирического сознания поэта заключается не в движении к какому-либо итоговому результату, предполагающему линейное развитие по прямой или кривой линии, а стяжение периферии к центру» [1, с. 311]. В поэтике «Чужого неба», ценностно-смысловые векторы которой задаются инициальным текстом, обнаруживается именно такой характер мифологизации пути лирического «я»: не экстенсивное преодоление антиномий бытия, а интенсивное проживание их сущности с целью онтологического преображения поэтического «я». Возможно, что это и есть формула зарождающегося гумилевского акмеизма.

Итак, в поэтике стихотворения Н. Гумилева «Ангел-хранитель» наблюдается явная проблематизация бытийного самоопределения лирического героя, которая продуцирует множественные версии и варианты осмысления глубинного онтологического конфликта в последующих стихотворениях и поэмах «Чужого неба». «Ангел-хранитель» в полной мере может восприниматься в качестве ценностно-смыслового пролога в структурно-семантической организации данной

книги. Сознваемое лирическим героем раздвоение витальных стремлений, предстающее как желание и сохранить интимную близость с «вечно женственным» началом в его микрокосме, и освоить собственной волей пространственно-географические пределы земного макрокосма, оформляет концептуальный каркас книги «Чужое небо». При этом раскрытие антиномичности лирического «я» посредством чужой (инобытийно-ангельской) «точки зрения» указывает на усложнение художественной картины мира в творчестве поэта, в которой обнаруживается лирическая «полифония» и многомерность видения противоречий бытия. Актуализируя куртуазные коннотации взаимоотношения мужского и женского начал, Н. Гумилев в данном стихотворении намечает векторы постижения фемининности в перспективе «близкого» (интимно-личностного) схождения с «вечной женственностью» и «дальнего» (пространственно-географического) ухода от нее. При этом «чужие небеса» в художественном универсуме «Чужого неба» постоянно – эксплицитно или имплицитно – напоминают гумилевскому лирическому субъекту о неизбывном присутствии женского начала в мироздании.

Список литературы

1. Асоян А. А. Семантика антитезы в поэтическом мире Николая Гумилева // Асоян А. А. Семиотика и метафорика художественных форм. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 307–313.
2. Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – 674 с.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
4. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20-ти томах. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. Стихотворения. Книга первая (1898–1904). – 640 с.
5. Бобрицких Л. Я. Женские образы в лирике Н. Гумилева: опыт типологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 19–23.
6. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. – М.: Худ. литература, 1973. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – 672 с.
7. Верховский Ю. Н. Путь поэта. О поэзии Н. С. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 505–550.
8. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 1998. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). – 501 с.
9. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 1998. – Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). – 344 с.
10. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – 552 с.

11. Дарвин М. Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст. – М.: РГГУ, 2018. – 288 с.
12. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 364–404.
13. Жукова А. А. Архетипы и их образные реализации в ранней лирике Н. С. Гумилева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55): в 2-х частях. Ч. 1. – С. 23–27.
14. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 5–52.
15. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. – М.: Центрполиграф, 2010. – 525 с.
16. Матрусова А. Н. Легенды Артуровского цикла в поэзии Серебряного века // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 89–95.
17. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. – Омск: ОмГУ, 2004. – 339 с.
18. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.
19. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. – 224 с.
20. Раскина Е. Ю., Сорокина Е. Р. Тема рыцарства и образы рыцарей в творчестве Н. С. Гумилёва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації. – Київ, 2017. – Т. 28 (67). – № 2. Український Гумільовський збірник (Випуск 1). – С. 76–80.
21. Смелова М. В. Онтологические проблемы в творчестве Н. С. Гумилева. – Тверь: ТГУ, 2004. – 126 с.
22. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 253–255.
23. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. – М.: Азбуковник, 2019. – Т. 1. – 864 с.
24. Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилева // Новый филологический вестник. – 2016. – № 1 (36). – С. 119–129.
25. Филатов А. В. Аксиология пространства и времени в адамическом мифе Н. С. Гумилева // Соловьёвские исследования. – 2019. – Выпуск 3 (63). – С. 162–171.
26. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.
27. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 544 с.
28. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4-х томах. – М.: Согласие, 1996. – Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. – 592 с.

Arkady A. Chevtayev

"Guardian Angel" as a Prologue Poem in the Poetic Book of N. S. Gumilev "Alien Sky"

The article deals with the artistic conception of the fourth book of poems by N. S. Gumilev "Alien Sky" (1912). In this collection, the poet leaves the symbolist strategies of creativity and creates a new world image as the basis of the acmeist worldview. Here there is a "watershed" between Gumilev's "I" in the past and in the present, in the earthly and the other world. Certain "keys" to comprehending the antinomies of Gumilev's worldview are given by understanding the prologue to the collection - the poem "Guardian Angel". The poem

contrasts the existential horizons of the world that attract a hero and the intimate world of a woman. They set two main vectors of poetic reflection and ontological conflictology in lyrical collection. The antinomies of the earthly and the other world are embodied in equally desirable images of "the sea" and "the lady". Lyrical hero is aware of the bifurcation of life goals, conflict between which turns out to be fundamentally insoluble. This knowledge initiates creation of a new lyrical "I". The lyrical hero of the collection does not extensively overcome the antinomies of being, but intensively lives them with the aim of ontological transformation of the poetic "I". It is assumed that this is the formula of the emerging acmeism.

Key words: N. S. Gumilev, symbolism, acmeism, lyrical hero.

For citation: Chevtaev, A. A. «Angel-hranitel'» kak stihotvorenije-prolog v poeticheskoj knige N. S. Gumileva «Chuzhoe nebo» ["Guardian Angel" as a Prologue Poem in the Poetic Book of N. S. Gumilyov "Alien Sky"] *Art Logos – The Art of Word.* – 2023. – № 1. – Pp. 28–49. DOI 10.35231/25419803_2023_1_28

References

1. Asojan, A. A. (2019) *Semantika antitezy v pojeticheskom mire Nikolaja Gumileva* [Semantics of Antithesis in the poetic World of Nikolai Gumilev]. Asojan A. A. *Semiotika i metaforika hudozhestvennyh form* [Semiotics and metaphors of artistic forms]. St. Petersburg: Aletejja Publ. Pp. 307–313. (In Russian).
2. Barkovskaja, N. V., Verina, U. Ju., Gutrina, L. D., Zhibul', V. Ju. (2016) *Kniga stihov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi* [The Book of Poems as a cultural phenomenon of Russia and Belarus]. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj Publ. (In Russian).
3. Bidermann, G. (1996) *Jenciklopedija simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).
4. Blok, A. A. (1997) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20-ti tomah. T. 1. Stihotvorenija. Kniga pervaja (1898–1904)* [The complete collection of works and letters: In 20 volumes. Vol. 1. Poems. Book One (1898–1904)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
5. Bobrickih, L. Ja. (2017) *Zhenskie obrazy v lirike N. Gumileva: opyt tipologii* [Female images in N. Gumilev's lyrics: the experience of typology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* № 4. Pp. 19–23. (In Russian).
6. Brjusov, V. Ja. (1973) *Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy. 1892–1909* [Collected works: In 7 volumes. Vol. 1. Poems. Poems. 1892–1909]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
7. Verhovskij, Ju. N. (2000) *Put' pojeta. O poezii N. S. Gumileva* [The poet's way. About N. S. Gumilev's poetry]. N. S. Gumilev: pro et contra [N. S. Gumilev: pro et contra]. St. Petersburg: Rossijskij hristianskij gosudarstvennyj institut Publ. Pp. 505–550. (In Russian).
8. Gumilev, N. S. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy (1902–1910)* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 1. Poems. Poems (1902–1910)]. Moscow: Voskresen'e Publ. (In Russian).
9. Gumilev, N. S. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. T. 2. Stihotvorenija. Pojemy (1910–1913)* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 2. Poems. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'e Publ. (In Russian).
10. Gumilev, N. S. (2006) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. Moscow: Voskresen'e Publ. T. 7. Stat'i o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 7. Articles on literature and art. Reviews]. (In Russian).
11. Darvin, M. N. (2018) *Pojeticheskij mir liricheskogo cikla: Avtor i tekst* [The poetic world of the lyric cycle: Author and text]. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
12. Zhirmunskij, V. M. (2001) *Preodolevshe simvolizm* [Overcome symbolism]. Zhirmunskij V. M. *Pojetika russkoj poezii* [Poetics of Russian poetry]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ. Pp. 364–404. (In Russian).
13. Zhukova, A. A. (2016) *Arhetipy i ih obraznye realizacii v rannej lirike N. S. Gumileva* [Archetypes and their figurative realizations in N. S. Gumilev's early lyrics]. *Filologicheskie*

nauki. *Voprosy teorii i praktiki* – *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. № 1 (55). Vol. 1. Pp. 23–27. (In Russian).

14. Zobnin, Ju. V. (2000) *Strannik duha (o sud'be i tvorčestve N. S. Gumileva)* [The Wanderer of the Spirit (about the fate and creativity of N. S. Gumilev)]. N. S. Gumilev: pro et contra [N. S. Gumilev: pro et contra]. St. Petersburg: Rossijskij hristianskij gosudarstvennyj institut Publ. Pp. 5–52. (In Russian).

15. Kirlo, H. (2010) *Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejših ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii* [Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

16. Matrusova, A. N. (2010) *Legendy Arturovskogo cikla v poezii Serebrjanogo veka* [Legends of the Arthurian cycle in the poetry of the Silver Age]. *Russkij jazyk za rubežom – Russian language abroad*. № 2. Pp. 89–95. (In Russian).

17. Miroshnikova, O. V. (2004) *Itogovaja kniga v poezii poslednej treti XIX veka: arhitektonika i žanrovaja dinamika* [The final book in the poetry of the last third of the XIX century: architectonics and genre dynamics]. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).

18. *Mify narodov mira. Jenciklopedija: V 2-h tomah. T. 1* (1991) [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Sov. Jenciklopedija Publ. (In Russian).

19. Raskina, E. Ju. (2009) *Geosofskie aspekty tvorčestva N.S. Gumileva* [Geosophical aspects of N. S. Gumilev's creativity]. Moscow: Moskovskij gumanitarnyj institut im. E. R. Dashkovoj Publ. (In Russian).

20. Raskina, E. Ju., Sorokina, E. R. (2017) *Tema rycarstva i obrazy rycarej v tvorčestve N. S. Gumiljova* [The theme of chivalry and the images of knights in the works by N. S. Gumilev]. *Včeni zapiski Tavrijskogo nacional'nogo universitetu imeni V. I. Vernadskogo. Serija Filologija. Social'ni komunikacii – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Tauride National University. Philology Series. Social communications*. Vol. 28 (67). № 2. Pp. 76–80. (In Russian).

21. Smelova, M. V. (2004) *Ontologičeskie problemy v tvorčestve N. S. Gumileva* [Ontological problems in the works by N. S. Gumilev]. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).

22. Smolickaja, O. V. (2003) *Kurtuaznaja ljubov'* [Courtly love]. *Slovar' srednevekovoj kultury* [Dictionary of medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 253–255. (In Russian).

23. Stepanov, E. E. (2019) *Letopis' žizni Nikolaja Gumileva na fone ego polnogo jepistoljarnogo nasledija. 1886–1921. T. 1* [Chronicle of the life of Nikolai Gumilev against the background of his complete epistolary heritage. 1886–1921. Vol. 1]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).

24. Filatov, A. V. (2016) *Aksiologičeskij podhod k izučeniju knigi stihov: ontologičeskie cennosti v «Chuzhom nebe» N. S. Gumileva* [Axiological approach to the study of the book of poems: ontological values in the “Alien Sky” by N. S. Gumilev]. *Novyj filologičeskij vestnik – New Philological Bulletin*. № 1 (36). Pp. 119–129. (In Russian).

25. Filatov, A. V. (2019) *Aksiologija prostranstva i vremeni v adamičeskom mife N. S. Gumileva* [The axiology of space and time in the Adamic myth of N. S. Gumilev]. *Solov'jovskie issledovanija – Solovjov Studies*. № 3 (63). Pp. 162–171. (In Russian).

26. Hanzen-Ljove, A. (2003) *Russkij simbolizm. Sistema pojetičeskij motivov. Mifopojetičeskij simbolizm. Kosmičeskaja simbolika* [Russian symbolism. A system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism]. St. Petersburg: Akademičeskij proekt Publ. (In Russian).

27. Hjožzinga, J. (2004) *Osen' Srednevekov'ja* [Autumn of the Middle Ages]. Moscow: Ajrispress Publ. (In Russian).

28. Hodasevich, V. F. (1996) *Sobranie sočinenij: V 4-h tomah. T. 1. Stihotvorenija. Literaturnaja kritika 1906–1922* [Collected works: In 4 volumes. Vol. 1. Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie Publ. (In Russian).

дата получения: 28.11.2022
дата принятия: 20.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 28 November 2022
date of acceptance: 20 December 2022
date of publication: 30 March 2023